

Владимир Кожевников

Песнь о  
Тихом Приливе



Владимир Кожевников  
**Песнь о Тихом Приливе**

«Автор»

2026

**Кожевников В. В.**

Песнь о Тихом Приливе / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Ирис — композитор, потерявшая слух. На океанической планете Тишина колонисты используют «поющие» камни как батарейки, не подозревая, что это яйца древних существ. Ирис чувствует их вибрации телом и записывает ритм, который не совпадает с океанским. Когда камни начинают трескаться, из глубин поднимается Прилив — коллективное сознание инопланетян. Их пробуждение вызывает цунами. Совет колонии готов взорвать глубины. Ирис должна найти способ «перепеть» Прилив — вернуть существ в сон не силой, а гармонией. Ей предстоит собрать хор из тех, кто не слышит, но чувствует, и спуститься в бездну с резонатором, чтобы задать вопрос, от которого зависит будущее планеты.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| Глава 1. Поющие камни             | 5 |
| Глава 2. Голос, которого нет      | 6 |
| Глава 3. Хранительница            | 8 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 9 |

# Владимир Кожевников

## Песнь о Тихом Приливе

### Глава 1. Поющие камни

Ирис стояла на берегу, и мир для неё был немым. Это была не тишина, а абсолютная пустота, поселившаяся в черепае после аварии. Океан планеты, названной Колониальной Службой Тишиной за его тоскливое однообразие, накатывал на берег тяжёлые, как ртуть, волны. Ирис видела их ярость, их кипящую пену, но не слышала ни рокота, ни шипения. Она видела, как ветер треплет её короткие, тёмные волосы, но не ощущала его воя. Глухота отрезала её от мира звуков, оставив лишь вибрации — единственный язык, на котором с ней говорила вселенная.

Она опустилась на колени перед камнем — гладким, как галька, но чёрным, как обсидиан, с россыпью серебристых прожилок. Эти "шептуны" были повсюду. Колония использовала их как батарейки: просто, эффективно и, как считалось, неисчерпаемо. Приложив ладонь к холодной поверхности, Ирис закрыла глаза. Сначала — только холод, проникающий в кожу. Но потом... тонкая, едва уловимая дрожь, пробегающая по костям. Это был не ритм прибора, не хаотичное биение волн. Это был пульс. Медленный, глубокий, словно биение огромного, спящего сердца. Ритм, который не совпадал ни с чем. Она чувствовала его телом, каждой клеткой. Камень под её пальцами пульсировал под кожей, как вторая, чужая кровь. Ирис провела пальцами по серебристым прожилкам. Они были тёплыми. Теплее, чем должен быть камень на холодном ветру. Это было необъяснимо, но... правильно. Впервые за год, с тех пор как мир онемел, она что-то почувствовала. Не жалость к себе, не злость, а чистый, ничем не замутнённый интерес. Она достала из кармана потрёпанный планшет для нот и стилус. Она не слышала нот, но помнила их. Помнила, как выглядит музыка. И сейчас она начала записывать. Не мелодию, а ритм. Долгие, протяжные ноты, которые она чувствовала, как медленную пульсацию в груди. Короткие, отрывистые — как судорога, пробегающая по руке. Она записывала вибрации камня. Музыку, которую никто, кроме неё, не мог услышать. Это было безумием. И это было единственное, что имело смысл.

Пульс под её ладонью изменился. Стал чаще, тревожнее, словно сердце спящего сбилось с ритма. Камень вздрогнул. Ирис отдернула руку. По его поверхности, от одной серебристой прожилки к другой, пробежала тонкая, как волос, трещина. Воздух, казалось, стал гуще, тяжелее. Она посмотрела на океан. Волны, только что тяжёлые и медленные, теперь вздымались выше, темнее, били в берег с какой-то новой, злой силой. Где-то вдалеке, за грядой скал, где располагалась основная колония, в небо ударил ярко-красный луч прожектора. Сигнал тревоги. Ирис не услышала сирену, но увидела, как заметались в панике чайки, как их белые крылья заметались на фоне багрового света. Прилив. Не тот, что по расписанию. Другой. Она снова посмотрела на трещину на камне. Она не думала об этом. Она это знала. Это не совпадение. Камни просыпаются. И они не рады.

## Глава 2. Голос, которого нет

Колония называлась Новый Ковчег, но Ирис всегда думала, что это имя — насмешка. Никакого ковчега здесь не было. Были низкие, приземистые здания из серого композита, вросшие в скалы, как лишайники. Были длинные, прямые улицы, продуваемые всеми ветрами. И был океан — бесконечный, тёмный, равнодушный. Он окружал колонию со всех сторон, как стена.

Ирис шла по главной улице, прижимая к груди планшет с записями. Ветер хлестал её по лицу, бросал в глаза солёные брызги. Она не слышала, как он воет, но видела, как гнутся тонкие антенны на крышах, как срывает с верёвок чьё-то бельё. Мимо неё пробежали двое детей, их рты были открыты — они что-то кричали, смеялись, но для Ирис это было лишь немое кино. Она привыкла. Почти.

Двери административного центра — массивные, герметичные, рассчитанные на любой шторм — открылись с тихим шипением. Внутри пахло синтетикой, кофе и страхом. Люди сновали по коридорам, их лица были бледными, напряжёнными. Кто-то плакал в углу, прижавшись к стене. Ирис никого не знала, но понимала их. Сирена, которую она не услышала, всё ещё звучала в их глазах.

Зал совета был переполнен. Люди стояли вдоль стен, сидели на полу, занимали каждый свободный сантиметр. В центре, за длинным металлическим столом, сидели пятеро — Совет Колонии. Марта, старейшина, женщина с седыми волосами, собранными в тугую узел, и лицом, похожим на высохшую кору. Рядом с ней — инженер Гофф, грузный, с красными прожилками на щеках и пальцами, которые никогда не находили покоя: он постоянно что-то крутил, щёлкал, тербил. Остальные трое — серые, безликие, как и положено администраторам.

Гофф говорил, ударяя кулаком по столу. Его губы двигались резко, зло.

— ...не может быть совпадением! Сначала сейсмическая активность, потом этот прилив, а теперь ещё и трещины в шептунах! Мы теряем энергию!

— Сколько? — спросила Марта. Её губы почти не двигались.

— Двенадцать процентов за последние сутки. И это только начало. Если камни продолжат трескаться, мы останемся без энергии. Без связи. Без отопления.

По залу прокатилась волна шёпота. Ирис видела, как люди переглядываются, как на их лицах проступает паника. Она сделала шаг вперёд, потом ещё один. Она не знала, что скажет. Она просто знала, что должна.

— Я знаю, почему камни трескаются, — сказала она. Голос прозвучал глухо, незнакомо. Она давно не слышала себя. — Я чувствую их.

Тишина. Все головы повернулись к ней. Марта прищурилась.

— Ирис? Композитор?

— Да. Я... я была на берегу. Я касалась камней. Они не просто батарейки. Они... живые. Они чувствуют. И они боятся.

Гофф фыркнул. Его пальцы сжали край стола.

— Живые? Ты серьёзно? Это камни, Ирис. Просто камни. Мы используем их сто лет. Никто никогда...

— Никто никогда не слушал, — перебила она. — Я не слышу. Я чувствую. Вибрации. У них есть ритм. Пульс. И этот пульс меняется. Он становится быстрее, тревожнее. Как будто... как будто что-то просыпается.

Она подняла планшет, показала свои записи — кривые линии, точки, символы, которые она использовала для обозначения вибраций.

— Вот. Это ритм камня. А вот — ритм океана. Они не совпадают. Они никогда не совпадали. Камень живёт в другом времени. В другом... измерении, что ли. И он не хочет просыпаться.

Зал молчал. Ирис видела, как некоторые лица меняются — от презрения к любопытству, от страха к надежде. Но Марта оставалась непроницаемой. Она смотрела на Ирис долго, изучающе, как смотрят на сложный механизм, который может сломаться в любой момент.

— И что ты предлагаешь? — спросила она наконец.

— Я не знаю, — честно ответила Ирис. — Но я знаю, что взрывать глубины — не выход. Если камни — это яйца...

— Яйца?! — Гофф вскочил. — Ты бредишь! Мы должны уничтожить источник угрозы, пока он не уничтожил нас!

— А если это не угроза? — Ирис шагнула ближе к столу. — Что, если мы просто... неправильно поняли? Что, если камни — это не ресурс, а... колыбельная? Что, если мы пели её неправильно?

Она не знала, откуда пришли эти слова. Они просто возникли — из глубины, из того самого места, где жил ритм. Марта медленно встала. Её глаза были холодными, как океан, но в них мелькнуло что-то ещё. Усталость. Глубокую, древнюю, как сама колония.

— Ты глухая, Ирис, — сказала она. — Ты не слышишь. Но, возможно, ты права. Возможно, мы все не слышим. Но сейчас не время для философии. Сейчас время для действий.

Она повернулась к Гоффу. Её голос, который Ирис читала по губам, был ровным, без эмоций.

— Готовьте глубинные заряды. Если прилив не остановится сам, мы остановим его.

Ирис хотела закричать, но голос не шёл. Она стояла, окружённая людьми, которые не хотели слышать. И в этот момент она поняла: она одинока. По-настоящему одинока. Но это не остановило её. Наоборот. Что-то внутри — упрямое, злое — сказала: ты должна. Ты должна найти другой способ.

Она вышла из зала. Никто не заметил. За окном океан бился о скалы, и где-то глубоко под водой, в темноте, что-то шевелилось. Ирис не знала, что это. Но она чувствовала его ритм. Он был везде. В камнях под ногами. В стенах зданий. В её собственных костях.

### Глава 3. Хранительница

Она нашла её на окраине колонии, там, где серые композитные стены уступали место старым, почти разрушенным постройкам первых колонистов. Эти дома были сложены из камня — настоящего, добытого в скалах, а не синтезированного. Они казались живыми по сравнению с безликими коробками Нового Ковчега. Здесь пахло солью, водорослями и чем-то ещё — тёплым, древесным, почти забытым. Дым. Настоящий дым от настоящего огня.

Ирис шла медленно, всматриваясь в полумрак. После заседания Совета прошло три дня. Три дня она почти не спала, просиживая над записями, пытаясь расшифровать ритм, который становился всё настойчивее. Камни трескались чаще. Океан вёл себя странно. Люди шептались о том, что глубинные заряды уже готовы, что Гофф ждёт только приказа Марты. Время утекало, как вода сквозь пальцы.

Дом стоял на самом краю обрыва, вросший в скалу так, что невозможно было понять, где кончается камень и начинается стена. Дверь — тяжёлая, деревянная, с вырезанными на ней символами, которые Ирис не узнала — была приоткрыта. Из щели выбивалась полоска тёплого света. Ирис толкнула дверь. Она не скрипнула — она просто открылась, беззвучно, как будто ждала.

Внутри было тепло. Огонь в очаге — настоящий, живой — отбрасывал танцующие тени на стены. Пучки сушёных трав свисали с потолка, распространяя густой, пряный аромат. На полках стояли камни — десятки, сотни камней, все с серебристыми прожилками, но разные: большие и маленькие, гладкие и шершавые, тёмные и почти прозрачные. И среди всего этого, в старом кресле у огня, сидела женщина.

Она была древней. Её лицо напоминало карту — морщины, как реки, как горные хребты, как трещины на камне. Волосы — белые, как пена, длинные, заплетённые в косу, перекинутую через плечо. Глаза — светлые, почти прозрачные, как вода на мелководье. Она смотрела на Ирис, не двигаясь, и в её взгляде не было ни удивления, ни вопроса. Только узнавание.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.